

ПРОЕКТ «АНТИКАРТЕЗИАНСКОЙ» ФЕНОМЕНОЛОГИИ

С.В. Комаров

Доктор философских наук, профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермь, ул. Букирева, 15

philos.perm@gmail.com

В статье предлагается проект феноменологического исследования субъективности, связанный с выходом за пределы ее рефлексивности и горизонтности. Проект реализуется в двух противоположных направлениях. Первое направление связано с полной редукцией субъективности к чистой смысловой структуре наличной ситуации. Это не феноменология бытия (созданная М. Хайдеггером, Ж.-Л. Марионом), но такая «нейтрализация» его, при которой его горизонтные структуры выступают как границы конкретного наличного события присутствия, а сама объективная ситуация разворачивается как центрированная вокруг локального смыслового центра. Этот выход на внешнюю границу феномена означает конституирование *неинтенциональной* феноменологии. Второе направление ориентировано на осмысление аффектированности его, однако, в отличие от других исследований (представленных в трудах М. Мерло-Понти, М. Анри, М. Риширом, Д. Триггом), оно предполагает анализ события становления *cogito* именно субъектом («Я»). Его конституируется пассивными синтезами, онтологическое истолкование которых означает выход за пределы внутренней границы самого феномена и обретение им собственной субъективности. Это является не чем иным, как конституированием *недескриптивной* феноменологии. В рамках указанных противоположных направлений исследования такой выход на внутреннюю (материально-чувственную) и внешнюю (предметно-смысловую) границу дает целостное описание субъективности как онтологического феномена. Смысловая конституция целостной (полной) субъективности в этом случае задается точкой сборки актора события, коррелятами времени, топологией круга наличного бытия, а закон обратной рефлексии выражает возможность онтологического обращения и возврата к классической феноменологии.

Ключевые слова: субъективность, интенциональная феноменология, материальная феноменология, аффектированность, горизонт, событие, смысл, чувственно-гилетические схемы, актер.

Постановка проблемы

Первоначальный вариант феноменологии предполагал дескрипцию сознания, которая опиралась на эмпирическое и категориальное созерцание [3]. Однако задача обоснования научного исследования была связана с поиском абсолютно достоверного основания, каковым в рамках феноменологии

оказалась область самоданности сознания [2, с. 106–107], что означало поворот основателя феноменологии к теории трансцендентального *ego*. Этот путь в определенной мере может быть квалифицирован как повторение *картезианского жеста*. Однако методическое раскрытие трансцендентальной субъективности означает раскрытие ее темпоральности, а именно тех пассивных синтезов, которые конституируют само трансцендентальное «Я» [15]. В итоге развитие феноменологии в XX веке пошло двумя разными путями.

С одной стороны, признание того, что онтология – как наука о сущем – основана на феноменологической установке, не означает редукции бытия к чистым структурам сознания. Поворот М. Хайдеггера был связан именно с признанием феноменологии, которая открывает собственные структуры бытия. Доступ к бытию через сущее *Dasein* вовсе не означает его укорененности в структурах сознания; скорее, наоборот, последнее как онтическое сущее получает свою онтологическую определенность через обращение к бытию как таковому. Так или иначе, фундаментальная онтология означала выход за пределы феноменологии как теории сознания. Как метод исследования феноменология сохраняла свою силу в качестве основания экзистенциальной аналитики *вот*, онтологического истолкования заботы и онтологии времени. Но уже аналитика времени и онтология события ведут к герменевтике бытия: феноменология в этих исследованиях становится только способом фиксации первичного феномена [10, с. 119–139].

В самом деле, именно аналитика времени и события приводит к вопросу о том, кому открываются эти феномены. В «SZ» еще сохраняется скрытая привилегированность *Dasein* как коррелята картезианско-кантовского эгоцентризма; однако описание чистой событийности всерьез ставит вопрос о субъекте самого события [12, S. 319–321; 13, S. 157]. Бесконечные повторы и заходы на бытие в описаниях позднего М. Хайдеггера не могут скрыть эту антиномичность: мысль немецкого философа движется в стихии чистого созерцания бытия, однако вопрос заключается в том, *кто* является автором этого созерцания? Отсюда постоянная незаконченность и анонимность феноменологической дескрипции [9, с. 8]. Здесь чистая фактичность описания скрывает его субъективность и порождает вечные хлопоты с «корреляционизмом» [18, pp. 28–49].

С другой стороны, трансцендентальная субъективность оказывается феноменом изначального бытия. Причем сущностно необходимым для самих феноменологических исследований, поскольку такой анализ находил в этой области изначальной субъективности свое обоснование. Основным методом феноменологических исследований становится не столько редукция, сколько дескрипция субъективных переживаний. Фактичность и контингентность этих переживаний заставили говорить об изначальной аффектированности «Я». И если еще в феноменологии позднего Э. Гуссерля «Я»

феноменолога не теряет своей активной роли центра феноменологического анализа, то дальнейшие исследования связаны с потерей им такой привилегированности.

Развитие французской феноменологии (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Э. Левинас, П. Рикер, М. Анри) связано именно с констатацией этой аффектированности «Я»: доступ к самости, включая ее себестождественность и изменчивость, определяется потоком переживания, истории, жизни. При этом негативная оценка временности изменена на позитивную: «Я» перестает быть тем, «кто» действует и мыслит, но превращается в того, «кого» видят, «кого» обвиняют и ранят», «кому» радостно или больно. Декрипциям от первого лица принадлежит не именительный, а винительный или дательный падежи [11, с. 233]. Плоть, тело, язык, отношения с другими, история становятся средой становления субъекта. Эта среда обладает собственной временностью, в которую темпоральность субъекта «встроена» и с которой она взаимодействует. С точки зрения анализа субъективности это означает отсутствие возможности для полной рефлексии жизни сознания: нельзя вне потока временности найти точку неподвижности, с которой себя будет идентифицировать «Я» [8, с. 78-79]. Дело предстает не так, что нечто предшествует «Я», которое его постфактум описывает и придает ему ясность, но так, что предданное оказывается «сделанным» нашим «Я», которое само учреждается в этом акте.

Таким образом, развитие феноменологии было связано с антикартезианской установкой. Действительно, вряд ли сегодня можно говорить в картезианском духе о субстанциальном или трансцендентальном его. Но проблема в том, что и вышеочерченные варианты решения не могут быть приняты в полной мере. В первом случае – в варианте фундаментальной онтологии – имеет место онтологическое обращение сознания, когда сознание теряет признак субъективности, во втором случае – в варианте феноменологии аффектированности – сознание теряет признаки собственной основательности (транспарентности, автономности и причинности). В первом случае оно перестает быть сознанием, во втором случае оно перестает быть сущим. И в том, и в другом варианте такое «антикартезианское» движение связано с выходом за пределы классической феноменологии [1, с. 172–185; 17, р. 85]. Необходимо предложить вариант феноменологии, но без редукции сознания к бытию или к его аффектированности.

Цель данной статьи заключается в обрисовке контуров проекта такой феноменологии. Классическая феноменология основывается на изначальной корреляции двух инстанций: «Я» и горизонта. Новая феноменология означает анализ сознания без привязки к его рефлексивности, с одной стороны, и к его горизонтности, с другой. Задача не давать описание феноменов, исходя из изначальной инстанции «Я», а показать, как формируется

само это «Я» в событии феноменальной данности. Поэтому мы условно называем такой проект *антикартезианской (антигуссерлевской)* феноменологией. Реализация этого проекта предполагает движение в двух противоположных направлениях.

Первое направление повторяет ход всей послегуссерлевской феноменологии (М. Мерло-Понти, М. Анри, М. Ришир, Д. Тригг) и направлено на исследование аффектированности его со стороны плоти, языка, других, истории, техники. В рамках этого подхода его конституируется пассивными синтезами, онтологическое истолкование которых предполагает выход за пределы *внутренней* границы самого феномена. Это означает конституирование *недескриптивной (нерефлексивной)* феноменологии.

Второе направление связано с полной редукцией субъективности к чистой смысловой структуре наличной ситуации. Это не феноменология бытия (М. Хайдеггер, Ж.-Л. Марион), но такая «нейтрализация» его, при которой его горизонтные структуры выступают как границы конкретного наличного события присутствия, а сама объективная ситуация разворачивается как центрированная вокруг локального смыслового центра. Этот выход на внешнюю границу феномена означает конституирование *неинтенциональной (негоризонтной)* феноменологии.

В рамках этих двух противоположных направлений исследования такой выход на внутреннюю (материально-чувственную) и внешнюю (предметно-смысловую) границу (горизонт) дает целостное описание субъективности как онтологического феномена.

Не-интенциональная феноменология сознания

Проект такой феноменологии предполагает такую нейтрализацию сознания (*έλοχή*), при которой мы располагаемся точно на границе феноменального мира. Куда» можно выйти из феноменологической установки? В естественную установку невозможно. Однако можно так нейтрализовать сознание, чтобы сознание стало медиатором бытия; при этом сама феноменологическая установка сохраняется. В том-то и заключается отличие от феноменологии бытия М. Хайдеггера: сознание выходит на свою внешнюю границу, но не перестает быть при этом сознанием. Это особая модальность сознания: его антиномичность может сохраняться, однако всякая субъектно-объектная раздвоенность «блокируется» тем, что выход к внешней границе постоянно выносит «субъекта» к простой данности сущего-в-мире. «Субъект» теперь более не «в-себе» (это не картезианский субъект и не трансцендентальное его) и не в герметично центрированном «здесь-бытии» (это не хайдеггеровский *Dasein*).

Таким образом, нейтрализованное сознание есть простая регистрация самого наличного бытия: оно тождественно ему, совпадает с его границами

(«рамка» сознания совпадает с «рамкой» ситуации). Сознание оказывается тождественным смысловой структуре сущего как такового; оно как бы «надето» на наличную ситуацию: в этом случае объективное событие полностью – и в пространстве, и во времени – конгруэнтно сознанию. Но оно не есть само бытие: оно есть *сознание* здесь-бытия и его смысловой структуры.

В этом случае наличное бытие не является хайдеггеровской *заботой*. Действительно, онтологически обращенное cogito представляет собой чистое смысловое единство и центрировано объективной логикой наличной ситуации. Например, наличная ситуация задана пространством этой аудитории, в котором я могу перемещаться между кафедрой и учебными столами, стеной и подиумом, окнами, и проч. Но во всех случаях сохраняется наличное цельное смысловое присутствие (*арпон*⁶), наводимое данной ситуацией и составляющее ее эйдос. Единство сознания (апперцепция) обеспечивается спонтанностью самого объективного события.

Таким образом, событие как данная наличная ситуация, в которой реализуются все свершающиеся обстоятельства, обладает цельностью – смысловым единством, определенным подвижными горизонтами, разбегающимися от эпицентра события. В этом смысле само событие есть полное смысловое выражение эйдоса, полная реализация эйдоса в наличной материи. Оно не просто есть бытие с другими людьми и вещами, а именно то, что сбывается, случается, происходит, выпадает на нашу долю, обстоит так-то и так-то. Оно обладает собственной *нудящей* силой, собственным *долженствованием*, которые отличаются от акта целеполагания и его психологических проекций (это эквивалент хайдеггеровского *Entscheidungheit*). Важно, что присутствующую здесь модальность нельзя ассоциировать с человеческой заботой, потому что собственное долженствование события – это время.

Однако, именно потому, что в этом объективном единстве события, в котором «дела» обстоит «так-то и так-то» (*die Sachen haben folgenden Bewandtnis*), обретают объективный смысл все действия инициировавшего данное событие «субъекта». Действительно, сама ситуация бытия развертывается независимо от сознания, и весь ее наличный «материал», включая людей, вещи, знаковые феномены, культурные артефакты и природные объекты, составляет некое единое и плотное ядро. Но именно поэтому ее смысловой центр может быть сколь угодно раз модифицирован. В этом случае мы имеем дело не с упражнениями фантазии, но с множеством микро-проектов праксиса; и смысловое сведение ситуации меняется в непрерывно преобразующейся первопорядковой природе (материи). В самом деле, си-

⁶ Э. Гуссерль так именуется смысловой «каркас» серии взаимосвязанных феноменов (в процедуре вариации идей) [16, S. 141].

туация практически и символически меняется в зависимости от того, говорю ли я вслух, молча пишу, слушаю вопросы студентов или смотрю в окно. При этом сама наличная ситуация оставалась в своем ядре неизменной и устойчивой. Эффект *субъектности* возникает в поле наличной ситуации, в присущей ей собственной модальности.

В самом деле, что в этом случае является эпицентром события? Здесь нет никакого «единства самосознания», но имеется единство горизонтов наличной ситуации. В самом деле – повторимся – чем определяется единство наличной ситуации после бытийного обращения апперцепции? Горизонтами временности (*die Zeitlichkeit*) и пространственности (*die Raumlichkeit*). Здесь временная структура наличной ситуации является временностью самого «нейтрализованного» сознания, а пространственные горизонты наличной ситуации определяются праксисом актора ситуации (*Umwillen, Worumwillen, Worinnen, Wozu, Umzu, Wovor*) [14, S. 364–365]. Действительно, отдаление-приближение этих горизонтов определяется отношением *um-willen*, которое, однако, нельзя квалифицировать как интенцию; это «нейтрализованный» смысловой коррелят хайдеггеровской заботы как отношения «здесь-бытия» к «бытию»: «*Das Sein des Daseins bestimmten wir als Sorge...*» [14, S. 364]. Экзистенция здесь выступает как эпицентр выявленной смысловой структуры относительно всего множества ее пространственных модификаций, или точка центрирования этой структуры во временных горизонтах.

«Материальная» феноменология

Что произойдет, если мы теперь сохраним такую «нейтрализацию» сознания при выходе на его *внутреннюю* границу? В этом случае сознание совпадает с рамками «внутренних» феноменов. Наличная ситуация в этом случае представляет собой материальные (физиологические, телесные) структуры как основания внутренних чувств. Сознание, «надетое» на эти телесные структуры, и есть «внутреннее чувство». Поэтому его нейтрализация не есть простая фиксация бытия эмпирического «я», а выявление именно этих оснований эмпирических феноменов. Антикартезианский характер такой феноменологии будет заключаться не в движении от эмпирического сознания к трансцендентальному *его* (чистой смысловой структуре сознания), а в обратном движении от смысловой структуры сознания к эмпирическим феноменам и их материальным коррелятам. Действительно, что выявляется в этом случае в качестве «объективной реальности» нашего «я»? Его телесная схема. Внимание должно быть направлено от трансцендентальной схемы рассудка к его эмпирической реализации, а затем к соответствующим чувственно-гилетическим коррелятам этой схемы (речевой и слуховой медиаторы, кинестезы различной модальности).

В самом деле, как происходит обретение смысла? Во внутреннем чувстве обнаруживается его внутренний горизонт (экран); «нейтрализация» сознания относительно внутреннего чувства означает не интенцию (луч внимания), но ожидание прибытия (*ankommen*) смысла. Это ожидание есть неинтенциальная интенция, ибо не направлено к границе, а происходит в эпицентре наличной ситуации. Обращенное *cogito* (апперцепция) выступает как чистый медиатор смысла. Движение смысла происходит от горизонта к эпицентру наличной ситуации внутреннего чувства: *im-willen* есть нудящая сила движения. В этом процессе происходит не только определение самого смысла, но и пространственно-временных горизонтов наличной ситуации внутреннего чувства.

Смысл в полном смысле приходит в виде соответствующего образа. Ожидание само определяется в качестве эпицентра этого события только в «момент» проступания-прихождения-воображения этого образа. Его пространственно-временная развертка и выступает как реальный процесс появления «на горизонте» недифференцированного смыслового образа и его приближения к фиксирующим и проговаривающим институциям «Я». Иначе говоря, все три момента – горизонтность наличной ситуации внутреннего чувства (медиум), процесс проявления смысла и его схватывание эмпирическим «я» (апперцепция) – представляют собой одно событие. Эти чувственно-гилетические процессы есть корреляты феноменов кантовского схематизма⁷. Схватывание этого образа (слова) как формы смысла происходит путем центрирования ситуации относительно «субъекта» этого смысла, который является только генератором речи. В самом деле, ожидание есть чуткое всматривание в невидимую точку на границе внутреннего чувства. Проявление смысла как чувственный процесс происходит как его чувственная визуализация, сопровождаемая проговариванием. Все три чувственных процесса есть структурная (гилетическая) основа явления смысла. Это материальный каркас (*архон*) внутреннего чувства.

В этом объективном единстве события происходит не только определение смысла, но и определение *центра* самого внутреннего чувства. В самом деле, смысл не просто визуализируется, он проговаривается или «слышится». Рассудок есть не просто воображение, но «внутренняя речь». При этом сама ситуация внутреннего бытия не только разворачивается независимо от сознания, она модифицируется сколь угодно множеством

⁷ «Что представляет собой это третье как опосредствующее звено (*Medium*) всех синтетических суждений? Это есть не что иное, как только та совокупность, в которой содержатся все наши представления, а именно внутреннее чувство и его априорная форма, [т.е.] время. Синтез представлений основывается на способности воображения, а синтетическое единство их (необходимое для суждения) – на единстве апперцепции» [5, с.132].

раз, но всякий раз ее развертывание осуществляется как центрирование относительно эпицентра вчувствования, вслушивания, всматривания или проговаривания. Напряженное ожидание является эмпирическим коррелятом антиципации смысла (Кант), того предвзятия, предусмотрения и предрешения относительно смысла бытия (Хайдеггер), без которых сам смысл в качестве именно мысли не мог бы установиться (схвачен и опознан). Но в этом напряженном ожидании, всматривании и проговаривании проявляется *автор* внутренней речи, относительно *которого, которому и для которого* является смысл. Само явление смысла и есть проявление его автора. Смысл обретается не только как объективное явление, но и как конституирование «субъекта» смысла. Модальность феномена смысла является модальностью его актора. Именно поэтому, например, речевой медиатор выступает автором осмысленной речи, а кинестетический или слуховой медиаторы, как правило, являются пассивными акторами этого события. Поэтому, аналогично наличной ситуации бытия во внешнем чувстве, событие смысла во внутреннем чувстве практически и символически меняется в зависимости от того, говорю ли я, молча слушаю или всматриваюсь в проявляющийся образ смысла. Модальность самого внутреннего чувства определяется характером центрирования: выступают ли телесные медиаторы в качестве «приемника» или «генератора» смысла. «Субъектность» внутренней речи определяется отношением к горизонтам наличной ситуации.

Здесь, аналогично внешнему чувству, нет никакого «единства самосознания», но имеется единство горизонтов внутреннего чувства. (Что примечательно – сами горизонты выявляются как моменты самой ситуации события смысла, а не как нечто заранее заданное; они есть «свойства» смысла, а не основания его появления.) В самом деле, единство наличной ситуации (единство апперцепции) определяется горизонтами временности (*die Zeitlichkeit*) и пространственности (*die Raumlichkeit*) события явления смысла: оно «приходит» к эпицентру его осознания из-за границы ожидания (антиципации), или, наоборот, генерируется актором наличного сознания и уходит к границе внутреннего чувства, конституируясь на ней как «моя» мысль. Временность самого события смысла – его разворачивания «от...к» – обуславливает его пространственную определенность «здесь...там». Экзистенциальная «близь» и «даль» определяются временем установления смысла. «Не моя» мысль обретается как «моя», благодаря конституированию в эпицентре события актора восприятия. Здесь временная структура наличной ситуации является временностью самого «нейтрализован-

ного» сознания, а пространственные горизонты наличной ситуации определяются праксисом актора ситуации. Поскольку сам актер (*автор*) ситуации конституируется как ее временной и пространственный полюс, то нельзя говорить о какой-то интенции (включая напряженное ожидание). Смысл конституируется как некое объективно развертывающееся событие, включая событие «самосознания», которое мы только нейтрально регистрируем. Поэтому апперцепция здесь выступает как эпицентр выявленной смысловой структуры относительно всего множества ее пространственных модификаций, или точка центрирования этой структуры во временных горизонтах.

Таким образом, антикартезианская редукция приводит к материально-гилетическим элементам события смысла, к физиолого-материальной ткани самого феномена. Это то, что у Э. Гуссерля выступает как основание пассивных синтезов *proto-Uch*, то, что М. Мерло-Понти называет «плотью», а М. Анри именуется «страстью», и т.д. Это некоторая исходная аффицируемость субъекта как проявление самой его жизненности, гилетический слой переживаний, самоданность которого не сводится к нереальному (и нереальному) слою ноэматического. Это то, что переживается, но не может быть ухвачено полностью в предметном смысле ноэмы, то, благодаря чему устанавливается сам ноэматический смысл. Это сама жизнь как неинтенциональный, или материальный, феномен [4, с. 169-187], но с той разницей, что термин «феномен» здесь употребляется не в феноменологическом смысле. Что это значит? Это значит, что в таком случае мы выходим на границу внутреннего чувства, и, следовательно, не можем заглянуть за его горизонт – к самому генезису феномена. Мы *отсылаемся* к его гилетическому основанию, поскольку сама дескрипция феномена требует этого в качестве логического вывода, однако феноменологическими средствами генезис описан быть не может.

Таким образом, в основании интенционального лежит не-интенциональное, в основе когнитивного – не-когнитивное. Здесь *внутренняя граница* самой феноменологии: «для описания этого у нас не хватает слов <...>» (Гуссерль). «То, что сопротивляется феноменологии внутри нас – природное бытие, тот самый «варварский» исток <...> – не может оставаться за пределами феноменологии и должен найти в ней место» [19, р. 178]. Весь вопрос заключается только в том, каким образом это возможно. Так или иначе, это действительная граница феноменологии, ибо она предполагает – благодаря антикартезианской редукции – отказ от базовых концептов классической феноменологии: «Я» и «горизонта» [8, с. 95-96]. Мы квалифицируем такую феноменологию как *материальную, косвенную, апофатическую дескрипцию (оснований) феноменов*.

Онтология события

Подведем итоги. Как уже говорилось в начале, выход на внутреннюю (материально-чувственную) и внешнюю (предметно-смысловую) границу феномена дает *целостное* описание субъективности (охватывает все поле субъективности во внутреннем и внешнем регистрах). В этом случае смысловой каркас феномена полной обращенной субъективности, т.е. единство ситуации-события в качестве медиа-экрана мирового феномена («бытия»), состоит из следующих компонентов (регионов).

1. *Точка сборки (присутствия) актора.* Это смысловой центр наличной ситуации, но не точка самосознания, «Я». В этом вся идея ухода от угрозы дурного психологизма картезианской феноменологии (сведения всех феноменов к аффектированности). В этом контексте актер относится к компонентам самой онтологической структуры события, но не сводится наличному здесь-бытию. Точка присутствия актора – центр круговых горизонтов наличного «окружающего мира» (*die Umwelt*), пространственно-горизонтных ориентаций в наличной ситуации (внутреннего или внешнего регистров). Само событие присутствия концентрируется (собирается) вокруг смыслового центра актора.

2. *Событие (коррелят времени).* Extasis времени («тезис», полагание) разворачивается в форме пространственного круга материального первопорядкового бытия наличной ситуации; «intasis» времени разворачивается в виде осуществления множества праксисов вмещения свершающегося здесь-бытия. Здесь могут быть совершенно различные модификации времени, поскольку само событие может включать в себя различные смысловые элементы, которые, с одной стороны, определяются во временном потоке события, с другой стороны, конституировавшись, сами могут модифицировать его протекание. Иначе говоря, могут определять экстазы времени [7, с. 268-271].

3. *Топология круга наличного бытия,* формирующая подвижную сферу локального, т.е. привязанного к точке актора, как мирового феномена. Это пространство играет роль медиального экрана, на котором проступают черты всех локальных «сущностей» этой сферы: «вещей», «качеств», «идей», «бытия», «самого само», «субстанции», и т.п. Это подвижная сфера, разворачивающаяся в дистанции «близости – дали». Движение внутри этой пространственной сферы и смена аспекта видения выявляет на медиальном экране новые ракурсы и качества феноменально данных сущностей. Пространство как бы закручивается вокруг (относительно) смыслового центра (актора) самой наличной ситуации.

4. *Закон обратной рефлексии:* чем выше чистота обращенного ситуативно-событийного «сознания», тем ярче проступает на нем смысловой эйдос наличного здесь-бытия. Смысловые феномены, проступившие на медиа-экране ситуативно-событийного поля, совершенно объективны и в то

же время они оказываются «моими». Имеющийся здесь нейтральный, «ничейный» смысловой феномен может быть благодаря закону обратной рефлексии «переведен» в статус «моего» феномена. Иначе говоря, этот закон позволяет «переходить» от феномена как мирового события к феномену как присутствию картезианского субъекта

Очевидно, что в таком случае остается открытым вопрос о *волевом выборе* субъекта. Действительно, казалось бы, если феноменология есть, по существу, онтология, то вопрос об этике остается за ее пределами. Тем более что предложенный вариант феноменологии основывается на изначальной «нейтрализации» сознания субъекта феноменологического опыта и приводит к констатации изначальной аффектации. В таком случае вопрос о практическом самоопределении субъекта означает «выход» за пределы феноменологии, поскольку он включает отношение сознания к самому себе (самосознание). Иначе невозможно самоопределение субъекта как субъекта. Но в таком случае феноменология оказывается *перформативным* противоречием: указывая на аффектированность субъекта, она предполагает процедуры, которые уже включают сознательное отношение к самому себе. Это означает, что именно закон обратной рефлексии, позволяющий переходить к «картезианскому» субъекту, выступает как инструмент самоопределения. Теперь, в отличие от спонтанного случающегося психологического «обращения» сознания, применение этого закона есть осознанное *практикование* теории «мерцающего» субъекта [6, с. 725-726].

Список литературы

1. Анри М. Феноменология жизни/пер. Г.В. Вдовиной // Логос. 2011. № 3. С. 172–185.
2. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И.И. Мавринского. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. 224 с.
3. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 471 с.
4. Захави Д. Мишель Анри: субъективность и имманентность // М. Анри. Материальная феноменология / пер. с фр. Г.В. Вдовиной. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 169–187.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1994. 592 с.
6. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.
7. Комаров С.В., Хомутова Д.С. Темпоральность «пористой самости» Дж.Риверы // Horizon. Феноменологические исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, № 11 (1), 2022. С. 248–275.
8. Морион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 78–79.
9. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сб. / пер. с нем. Под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 92 с.
10. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. С. 119–139.
11. Ямпольская А.В. От пассивности к аффективности // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 229–240.

12. *Heidegger M.* Beiträge zur Philosophie (vom Ereignis). B. 65. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 2003. S.521.
13. *Heidegger M.* Die Geschichte des Seyns. B. 69. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 2012. S.229.
14. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. S.445.
15. *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten 1918–1926 (HUA XI). Den Haag: M.Nijhoff, 1966. S.342.
16. *Husserl E.* Phänomenologische Psychologie. [Text nach Husserliana, Band IX] – Felix Meiner Verlag, Yamburg, 2003. S. 242.
17. *Marion J.-L.* The Final Appeal of the Subject? Deconstructive subjectivities, ed. S. Critchley & P. Dews. SUNY Press, 1996. P. 324.
18. *Meillassoux, Q.* After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. London: Continuum, 2009. P. 148.
19. *Merleau-Ponty M.* The Structure of Behaviour/Trans. Alden L.Fisher. Boston: Beacon Press, 1965. P. 342.

THE PROJECT OF “ANTICARTESIAN” PHENOMENOLOGY

Sergei V. Komarov

Perm State University
15, Bukireva St., 614068, Perm, Russia

The article proposes a project for a phenomenological study of subjectivity associated with going beyond its reflexivity and horizontality. The project is being implemented in two opposite directions. The first direction is connected with the complete reduction of subjectivity to the pure semantic structure of the present situation. This is not a phenomenology of being (M.Heidegger, J.L.Marion), but such a "neutralization" of the ego, in which its horizontal structures act as the boundaries of a specific present event of presence, and the objective situation itself unfolds as centered around a local semantic center. This exit to the outer boundary of the phenomenon means the constitution of a *non-essential* phenomenology. The second direction of the project is aimed at the study of ego affectation, however, unlike other studies (M.Merleau-Ponty, M.Henri, M. Richir, D.Trigg), the project involves the analysis of the event of becoming a cogito by the subject ("Ich"). The Ego is constituted by passive syntheses, the ontological interpretation of which is an event of going beyond the inner boundary of the phenomenon itself and gaining its own subjectivity. This means the constitution of a *non-descriptive* phenomenology. Within the framework of these two opposite directions of research, such an exit to the internal (material-sensory) and external (subject-semantic) boundary provides a holistic description of subjectivity as an ontological phenomenon. In this case, the semantic constitution of integral (complete) subjectivity is set by the assemblage point of the event actor, the correlates of time, the topology of the circle of existence, and the law of reverse reflection expresses the possibility of ontological conversion and return to classical phenomenology.

Keywords: subjectivity, non-essential phenomenology, material phenomenology, affectation, horizon, event, meaning, sensuous-hyletic schemes, actor